

АКИМ ВОЛЫНСКИЙ О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

А.В. Быков

В статье исследуется вопрос об эволюции мировоззрения А.Волынского в связи с определением русского национального духа. Рассматриваются два периода в толковании национальной идеи, объясняются причины «космополитизма» и «гиперборейского монизма» видного мыслителя и литературного критика.

Ключевые слова: русская национальная идея, эволюция мировоззрения, космополитизм, гиперборейский монизм

У статті досліджується питання про еволюцію світогляду А.Волынского у зв'язку з визначенням російського національного духу, розглядаються два періоди у поясненні національної ідеї, пояснюються причини "космополітизму" та "гіперборейського монізму" відомого мислителя та літературного критика.

Ключові слова: російська національна ідея, еволюція світогляду, космополітизм, гіперборейський монізм

The article deals with the question of evolution of A. Volinsky's world outlook in connection with determination of Russian national spirit. Two periods in interpretation of national idea have been considered, the reasons of "cosmopolitism" and "hyperboreysky monism" of prominent thinker and literary critic have been explained.

Key words: evolution world outlook, Russian national spirit, cosmopolitism, hyperboreysky monism

Аким Львович Волынский (Хаим Лейбович Флексер, 1861/1863–1926), еврей, иудей, уроженец провинциального Житомира, стал одним из самых значительных деятелей российской культуры Серебряного века. Он был главным литературным критиком «Северного вестника» (с 1889 г. вплоть до закрытия в 1899 г.), единственного журнала, целенаправленно печатавшего в 90-е гг. XIX в. зарубежных и русских символистов. Волынский был одним из первых представителей религиозно-философской критики.

Он стал известен благодаря книге «Русские критики» (1896), в которой выдвинул новую, антиматериалистическую концепцию развития русской критики. Он одним из первых стал серьёзно писать о русских символистах, первым дал оценку и проанализировал творчество Лескова в целом (1897), написал значительное исследование о Достоевском (1897–1904). Также он изучал живопись (за книгу о Леонардо да Винчи (1898) Волынский был избран почётным гражданином Милана, в конце жизни написал ещё не изданный, фундаментальный труд о Рембрандте); во второй половине 1900-х гг. стал одним из первых профессиональных балетных критиков, после революции основал Школу русского балета, написал книгу о технике и впервые о философии балета. А с 1920 по 1926 гг. он являлся председателем правления Петроградского совета профессионального союза писателей.

Цель нашего исследования – определить границы двух периодов литературной критики А.Волынского в связи с его представлениями о национальном вопросе. Недостаточная изученность особенностей мировоззрения мыслителя, отсутствие отдельных исследований его общественной позиции объясняют актуальность выбранной темы.

Исследовав его наследие, мы пришли к выводу, что Волынский был значительным и самостоятельным мыслителем, претендовавшим на то, чтобы теоретически осмыслить бытие в целом и существование в нём человека, в том числе и национальные аспекты этого существования. Волынский никогда не забывал о своих национальных и культурных корнях и на проблемы национальности всегда реагировал очень остро. Нам представляется, что его высказывания будут небезынтересны.

Мировоззрение Волынского развивалось, и в интересующем нас аспекте, в отношении к проблеме национальности, можно приблизительно выделить два различных периода. Первый (до конца 1910-х гг.) – тяготение к сверхнациональной, космополитичной сущности христианства. Второй (1920-е гг.) – отказ от христианства, создание оригинальной философской теории гиперборейского монизма на основе иудаизма.

В первый период Волынский в целом был идеалистом-космополитом, считая, что в каждом явлении человеческой культуры можно и нужно найти, актуализировать самое важное, а именно то сущностное, идеальное смысловое ядро, которое пребывает на сверхвременном, сверхреальном, глубинном уровне и выражает общечеловеческие, прежде всего нравственные, ценности, не подверженные делению ни на какие внешние, земные, в том числе национальные, перегородки. По его мнению, каждая нация лишь по-своему воплощает эти ценности, пропуская их через свой

характер, особое восприятие жизни и т.д., потому национальность имеет важное (например, для понимания истории и искусства), но второстепенное значение.

Космополитизм Волынского дал повод некоторым литературоведам утверждать, что он «в своей критической практике не обнаружил настоящего понимания идей народности и национальности как выражения лучших сторон национального сознания» [14, с. 62], что не верно. Волынский уважал западноевропейскую культуру и цивилизацию, особенно высокое развитие философии, науки. Однако больше он писал о России, и его статьи представляют собой широкое исследование (правда, разрозненное) России и русского характера. Волынский не раз указывал на неразвитость у русских рационального начала, отсюда почти полное отсутствие философии и науки. Главная черта русского человека – исключительно эмоциональное, «душевное», а не духовное отношение к жизни, причём последнее для Волынского давало повод для серьёзных опасений, которые с течением времени всё более усиливались (в 1910-20-х гг.). Однако в 1890-е гг. он видел в этом и несомненные преимущества перед Европой, веря, что идеализм живёт в русском простонародном религиозном мироощущении, непосредственном ощущении божества [13, с. 21]. Отличительные черты его Волынский так описал в книге «Н.С. Лесков»: «В хронике Лескова отразилось характернейшее явление русской религиозности, скромной и тихой. Личное начало смиренно замирает перед беззвучным глаголом божества» [5, с. 46]. Именно на эту черту критик и надеялся, говоря о скорой победе идеализма в России, но при условии, что она соединится с интеллектуальностью: «тогда, при общей талантливости русской природы, при её тончайшей способности осязать бесплотное, при её чуткой тактильности к нежнейшим движениям человеческого сердца – то, что сделало русскую литературу одним из великих явлений мира – Россия может явиться настоящим Вифлиемом для религии нового человека» [2, с. 31-32]. Волынскому даже была близка почвенническая идея о мессианской роли России (но не в ущерб другим народам), которая может сыграть определяющую роль в религиозном возрождении всего мира, ибо всемирное богофильство в русском народе воплотилось наиболее ярко [12, с. 78-80; 9, с. 498]. Многие статьи книги «Достоевский» – гимн русскому сердцу.

Однако Волынский понимал неоднозначность русского народного характера: в нём есть не только «стремление к покаянию», но и склонность к безоглядному веселью, «буйная, дикая удаля» [7, с. 189-190]. Русский человек крайне жизнелюбив. Безудержная жажда жизни, карамазовщина «во всех её линиях, бегущих в гору и под гору, есть явление чисто русское, почвенно русское» [4, с. 469]. Потому в русском народе так сильна связь с землёй. «Нигде в мире не чувствуется такой глубокой (...), мистической связи между человеком и почвою (...). Талантливый русский человек вырастает на земле, как колос, наливаясь её соками, питаясь через неё небесною влагою» [11, с. 168]. Русское жизнелюбие двойственно: с одной стороны, оно связано с русской религиозностью, придавая ему языческий оттенок. Принимая жизнь, русские принимают и идеальную её основу. Но, с другой стороны, жизнелюбие часто входит в противоречие с боголюбием, приводит к забвению духовной сущности человека.

Весьма резко Волынский выступал против всякого рода национализма-шовинизма (наиболее ярко – в книге «Достоевский» в главе о Шатове [4, с. 413-429]). Его интерпретация образа Шатова – одна из самых первых обстоятельных интерпретаций в русской религиозно-философской критике построена именно как вдохновенное разоблачение религиозного национализма и даже шовинизма, так как критик истолковал идею русского народа как единственного истинно богоносного. Волынский страстно выступил в защиту истинной религиозности других европейских народов, не унижая русского. При этом, по его мнению, неверие Шатова, открытое Ставрогиним, совершенно закономерно: «вера Шатова, при всей пламенности его душевного подъёма, является только разновидностью человеческого безверия, потому что настоящая духовная вера кончается там, где начинается отрицание божественного призвания других народов, где начинается шовинизм, народная самовлюблённость и самовозвеличение» [4, с. 416]. Критик отказывается признать Шатова истинно русским (он, нетерпимый фанатик, лишён русской непосредственной тихой религиозности), считая окончательное духовное возрождение (вопреки замыслу автора и мнению всех остальных критиков) для него маловероятным, несмотря на его высокую нравственность и даже религиозное просветление незадолго перед смертью.

Взгляды Волынского в 1920-е гг. в целом сохранили свой возвышенный нравственно-идеалистический характер, однако произошла довольно серьёзная переакцентировка и переоценка некоторых значительных идей: в частности, взгляды критика характеризуются гораздо более интенсивным, чем раньше, интересом к разным национально-расовым и конфессиональным сообществам и их отличиям друг от друга. Но надо оговориться, что понимал он их по-своему. Их характеристики явно оценочны: оцениваются они в зависимости от того, насколько близки к его собственному, оригинальному «изобретению» – теории гиперборейского монизма. Наиболее близок был иудаизм и соответственно семитская раса (евреи), далее следуют арийцы (европейцы) и католичество. Все остальные нации он относил к низшему роду – хамитам (в первую очередь

русских), находящимся под властью дионисийского, стихийного хаоса. Хотя Волынский по-прежнему ценил христианство за «моралистический размах» [8, с. 13], однако считал его (особенно в русском, православном варианте) в целом хамитичным и дионисийским (так же, как и буддизм). Это религия еврейских низов, подвергшихся влиянию соседних хамитских народов и восставших против израильского государства, против иудаизма – религии семитской элиты. Религия народных суеверий, антиинтеллектуальной мистики, основанной на примитивных человеческих чувствах.

В неопубликованной статье «Русская литература» (1923) Волынским дан уничижительный анализ основных черт русской нации, несущей все черты хамитизма (в статьях опубликованных он не столь откровенен). Обобщённо это выглядит так: стадность, антиинтеллектуальность, аморальность. Языческий характер русской религиозности дал теперь повод Волынскому утверждать, что «русский народ наименее религиозный» [3, л. 6]. В некоторой степени такая перемена взглядов на Россию обусловлена и тем, что ни он сам как критик, ни его философия успеха в стране не имели, были отторгнуты, а после материалистической революции (совершенно хамитической) его неприязнь к русскому народу только увеличилась (хотя окончательно он в революции разочаровался лишь в 1926 г. [6, с. 282]).

Таким образом, можно сделать вывод, что взгляды Волынского на национальный вопрос были более значительны и верны в первый – христианско-космополитический – период (к счастью, он был наиболее активным и плодотворным), так как он акцентировал внимание не на различиях, из-за которых возникают межнациональные конфликты, а на том общем, глубинном, идеальном, что единственно служит основой для благодатного и гармоничного развития всех народов мира. Отношение критика ко всем народам было равно дружелюбным. При этом Волынский не пренебрегал и самими этими национальными отличиями (хотя и не акцентировал их), дав достаточно адекватный и глубокий анализ черт русского духа. Верной философско-методологической базой его был, так сказать, «чистый» идеализм, основанный на лучших достижениях мировой религиозно-философской мысли. Позднее, к сожалению, акцентирование внимания именно на национальных различиях привело критика к неконструктивному отрицанию, уничтожению одних народов (не только русского) и превознесению других, с чем сам он страстно боролся ранее.

В этом мы видим отход Волынского от «чистого», истинного идеализма в сторону материализма, лишённого чёткой ориентации при расстановке приоритетов: приоритет идеально-духовного, нравственного начала перед началом внешним, формальным, вторичным, словом, материальным (к нему, безусловно, относится и национальность как таковая) – для материалиста не очевиден. Мы считаем, что (говоря в философском аспекте) именно материалистическое по сути непонимание вторичности, *относительной* второстепенности национального элемента человеческого бытия перед лицом наднационального единого духа, сосредоточенность только на национальных *особенностях* ведёт к возникновению конфликтов на этой почве.

Поэтому одним из выходов из тяжёлой современной ситуации – выходом в сфере интеллектуальной – является пропаганда глубокого философского взгляда на жизнь – истинного идеализма, терпимого ко всем; обращение к прерванной традиции русской религиозной философии.

Литература:

1. Быков А.В. Интерпретация русской критики и литературы в работах А.Л. Волынского: Дисс...канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 242 с.
2. Волынский А.Л. Бог или боженька? // Куда мы идём? – М.: Заря, 1910. – С. 25–32.
3. Волынский А.Л. Ф.М. Достоевский // РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 42, 6 л.
4. Волынский А.Л. Книга великого гнева («Бесь») // Волынский А.Л. Достоевский. – СПб., 1906. – С. 331 – 491.
5. Волынский А.Л. Н.С. Лесков. – Пб.: Эпоха, 1923. – 220 с.
6. Волынский А.Л. Мой портрет // Минувшее: Исторический альманах. 17. – М.–СПб.: Atheneum; Феникс, 1995. – С. 280–292.
7. Волынский А.Л. Нравственная философия гр. Льва Толстого // Северный вестник. – 1891. – № 10. – С. 185–215.
8. Волынский А.Л. Ответ А.А. Блоку // Жизнь искусства. – 1923. – № 31. – С. 13–14.
9. Волынский А.Л. Панрусизм // А.Л. Волынский. Книга великого гнева. – СПб., 1904. – С. 497–499.
10. Волынский А.Л. Русская литература // РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 46, 21 л.
11. Волынский А.Л. Современная русская беллетристика // Волынский А.Л. Книга великого гнева. – СПб., 1904. – С. 167–195.
12. Волынский А.Л. Трагедия красоты («Идиот») // Волынский А.Л. Достоевский. – СПб., 1906. – С. 37–98.
13. Волынский А.Л. Что такое идеализм? – СПб.: Парфенон, 1922. – 64 с.
14. Куприяновский П.В. А. Волынский – критик (литературно-эстетическая позиция в 90-е годы) // Творчество писателя и литературный процесс. – Иваново, 1978. – С. 49–78.

Поступила 30.08.2004 г.